

Мордовцев Даниил Лукич

Господин Великий Новгород

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-311.6

ББК 84-4

Мордовцев Даниил Лукич

Господин Великий Новгород / Мордовцев Даниил Лукич – М.: Книга по Требованию, 2011. – 146 с.

ISBN 978-5-4241-1695-7

Историческая беллетристика Даниила Лукича Мордовцева, написавшего десятки романов и повестей, была одной из самых читаемых в России XIX века. Не потерял интерес к ней и в наше время. В произведениях, составляющих настоящий сборник, отражено отношение автора к той трагедии, которая совершалась в отечественной истории начиная с XV века, в период объединения российских земель вокруг Москвы. Он ярко показывает, как власти предержащие, чтобы увеличить свои привилегии и удовлетворить личные амбиции, под предлогом борьбы за религиозное и политическое единомыслие сеяли в народе смуту, толкали его на раскол, духовное оскудение и братоубийственные войны.

ISBN 978-5-4241-1695-7

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Даниил Мордовцев
Господин Великий Новгород

ЗНАМЕНΙΑ ВРЕМЕНИ

Название одного из романов исторического беллетриста Даниила Мордовцева «Знамение времени» можно было бы дать и многим другим его произведениям...

В самом деле. В истории нашего государства, богатой на события, Мордовцеву интересовало не событие само по себе, а чем наполняло оно души миллионов, какими прежде всего чувствами было озаменовано это время в жизни народа и почему «со временем» стали являться выразители, а то и творцы таких чувств, которые превращали сам народ в орудие зла и насилия.

«Творцы» народных чувств объявятся и в году семнадцатом, и позже, когда, например, даже литературную полемику прошлого века употребят в политических целях.

...Салтыков-Щедрин в письме к одному из своих современников по поводу только что напечатанной им «Истории одного города» писал о жизни в России, как о «жизни, находящейся под игом безумия». Конечно же хорошо, что это произведение великого сатирика издавалось в советское время много раз: типы, в нем выведенные, узнаваемы до сих пор. Например — дю Шарю Ангел Дорофеевич. Вспомним, как этот градоначальник, начав объяснять глуповцам права человека, кончил тем, что объяснил им права Бурбонов...

Однако толкование российской действительности, как находящейся «под игом безумия», было характерно для многих литераторов-демократов XIX века; во многом, по их мнению, «эту действительность» России питала история ее государственности — отсюда и столь резкая критика многих художественных описаний отечественной истории. Но именно этой конкретно направленной критикой и воспользовались затем, в советское время, в качестве своего рода «юридических определений». Осудив и запретив издание, например, большей части исторической беллетристики М. Н. Загоскина, полностью — Н. В. Кукольника, Н. А. Полевого, К. П. Масальского, Ф. В. Булгарина, Н. М. Коншина, Р. М. Зотова и многих других писателей. Так, в издании БСЭ 1933 года творчество Р. М. Зотова характеризовалось уничижительными отзывами о нем Белинского и Писарева. Что и оказалось приговором к забвению: в следующих изданиях энциклопедий — Большой, Малой, даже Исторической — имя этого популярнейшего до революции исторического беллетриста даже не упоминалось.

...Знания могут рождаться из ненависти, они в таком случае и собираются человеком для разрушения. Знания жизни русских и украинцев, летописных свидетельств их истории, фольклора (песен, присловий, былин, скоморошских «потех», уличного театра), их исторических (в разные времена) и областных (в совершенно разных районах страны) говоров — удивительные по своему богатству знания Даниила Лукича Мордовцева собирались чувством любви его к этим народам.

Но если «равновеликость» этой проявленной писателем в его книгах любви к народам-братьям, происходящим из одной исторической протоплазмы, приходилось до революции терпеть даже самым «державным» из великороссов, то почему после нее, когда «О гордости великороссов» вспоминалось в стране лишь в связи с известной всем со школы статьей известного человека, — почему ис-

торического беллетриста Мордовцева приговорили к забвению именно... за «украинофильство»?

Названный выше роман («Знамение времени» — о современной автору национальной интеллигенции) — единственная книга Мордовцева, изданная за семьдесят с лишним лет после революции¹, в то время как только за десять лет после его смерти (1905 г.) в одном Петербурге вышло три собрания его сочинений. Был пресечен интерес русских читателей к главному в творчестве Мордовцева — его исторической беллетристике. Как будто изменение государственного строя должно было означать и столь же решительное изменение интересов читателей — в том числе и к прошлому своего народа.

Как писатель Даниил Мордовцев (Данило Мордовец) начал в украинской литературе. Потому что первой для него была именно «фридна мати Украина», мир которой, весь уклад ее жизни, хозяйственной и духовной, сохраняла среди станиц «Области войска Донского» его родная (родился в 1830 г.) украинская слобода Даниливицы.

Наверное, немало для начального образования дал бы ему отец. Лука Андреевич Мордовцев, в молодости — Слепченко-Мордовец (вторая часть этой фамилии — казачье прозвище их предков-запорожцев и станет потом тем именем, под которым выходили украинские произведения писателя), из крестьян «поднялся» до управляющего помещичьим хозяйством, был человеком не только сметливым и грамотным, но и довольно начитанным. Однако отец вскоре умер, и читать-писать выучили мальчика родственники матери, служители сельской церкви. Так что он уже начал учиться в Усть-Медведицком окружном училище, а все еще писал украинские слова старославянскими буквами. Если ко всему этому добавить, что первой прочитанной им русской книгой был перевод с английского (в библиотеке его отца оказалась поэма Джона Мильтона «Потерянный рай»), то тем более удивителен проявленный затем этим писателем талант в передаче именно народного русского говора.

Видимо, библейское «в начале было слово» — истинно при начале любого народа. И то матерински общее, что объединяет языки славян, воплощается иногда в их сыновьях с особенной силой, как выражение этого единого начала. Работа Мордовцева над переводом с русского языка «украинских» (посвященных Украине) произведений Н. В. Гоголя — еще одно этому свидетельство, и это, кстати, было одно из первых по времени возвращений Гоголя языку его родного народа.

Надо сказать, что взаимообогащение славянских литературных языков — страсть, которая не остывала среди многих интересов и душевных порывов Мордовцева. Об этом же говорит и его работа над украинским переводом «Краледворской рукописи». В то время еще не знали, что рукопись была не «найдена в 1817 году» В. Ганкой, а что это его собственная работа... Произведение В. Ганки, выданное им за памятник древнечешской поэзии, было, однако, столь талантливо и национально по духу, что оказало большое влияние на чешскую литературу. Петербургский профессор И. И. Срезневский, большой знаток славянских языков, был поражен редким сочетанием точности и поэтичности перевода этой поэмы, «свершенного»... первокурсником Казанского университета. Мордовцев сделал перевод по просьбе студентов Петербургского университета А. Н. Пыпина и В. И. Ламанского, своих бывших товарищей по гимназии. Успех

этот в столь серьезной литературной работе заставил Мордовцева наконец согласиться с их уговорами и учение продолжить в столичном университете.

Итак, Даниил Мордовцев в литературе сначала — Данило Мордовец... Его первое произведение — поэма «Козаки и море» (1854 г.) — это юношеское, радостное упоение ярким, красочным началом поэзии самого Шевченко, его «Гайдамаками», «Гамалией». Но уже о рассказе «Нищие», написанном Мордовцем в следующем году, классик украинской литературы Иван Франко отозвался впоследствии как о произведении «оригинальном», «глубоко задуманном»... Здесь уже не романтика упоения жизнью, нет: тихая искренность повествования, простота фабулы — но тем больше трогает душу это смиренное всепрощение обойденных жизнью старцев... Затем (1859 г., напечатаны в 1861 г.) последовали рассказы «Звонарь», «Солдатка»...

Автор вступительной статьи к украинскому двухтомнику писателя В. Г. Беляев пишет о том, что простотою, лиризмом, мелодичностью и задумчивостью повествования рассказы Мордовца близки к рассказам такого замечательного украинского писателя, как Марко Вовчок, что они даже написаны раньше «народных оповидань Марка Вовчка»².

В украинскую литературу Мордовец возвращался в течение своей жизни не один раз; это возвращение выражалось уже и в том, что некоторые из своих написанных и опубликованных ранее на русском языке произведений, например повесть «Палий», он перевел и печатал теперь на украинском языке. Романы и повести, написанные им на темы исторического прошлого Украины, такие, как «Сагайдачный», «Архимандрит и гетман», «Булава и Бунчук», а также другие произведения, в той или иной мере затрагивающие эти темы, были настолько популярны, что, по данным библиотек Киева, Харькова, Екатеринослава и Чернигова, Мордовцев в первой половине 90-х годов был здесь самым читаемым из всех писателей страны. Отрывки из его повести «Сагайдачный» заучивались киевскими гимназистами наизусть.

Но все это для Мордовцева — потом... Сначала была юность. Вместе со старшим братом (тот «пошел по хлебной торговле») — поездки по Дону, Днепру, по всей Украине («русский хлеб» шел тогда в Европу прежде всего из этой, истари крупнейшей в Европе пшеничной державы). Затем родилась у него любовь еще к одной славянской реке, главной реке России: он был определен братом «на учение в гимназии города Саратова».

«...В прошлый год, — писал он богатеющему брату, — со мной на дворе стоял гимназист Грановский (снимал рядом комнату. — Ю. С.), и я во время морозов ездил на лошади с ним в гимназию, и мне было не холодно доехать в несколько минут, а теперь...»

Вопрос о теплой шинели и хлебе насущном встал потом перед выпускником столичного университета (1854 г.) особенно остро. Вдосталь намаявшись «дачей уроков», Мордовцев наконец поступает в канцелярию саратовского губернатора: «в чиновниках» (ах, какое это теперь тоскливое понятие!) пребывали тогда не только гоголевские, а потом и чеховские персонажи, но и почти весь цвет «разночинной» интеллигенции.

Город юности, Саратов, оказался для Мордовцева и городом его семейного счастья: он женится, становится отцом. Его жена, А. Н. Пасхалова (урожденная Залетаева: для нее это второй брак), была известна в городе как поэтесса и, что

оказалось особенно ценным, собирательница народных песен Поволжья. Она была старше своего второго мужа на семь лет, а умерла раньше его на двадцать... О детях (родной дочери и приемных) Даниил Лукич заботился потом всю жизнь. Возможно, этим еще — желанием помочь им материально, если не оправдывается, то все же объясняется то, что Мордовцев, уже известный писатель, вдруг, один за другим, начал сочинять такие романы, которые один из его современников назвал «поспешными». Но не это действительно слишком торопливо написанное «из древневосточной жизни» (романы «Замурованная царица», «Месть жрецов», «Ирод» и так далее) характеризует Мордовцева как писателя.

В начале творческого пути Д. Мордовцев — прежде всего публицист. Хотя сказать, что потом он «весь ушел в историю», — значит сказать о ком-то другом, но не об этом человеке, живом, легком на подъем, — и в другие пространства (Украина, Италия, Испания, калмыцкие степи, вершины пирамиды Хеопса в Египте и библейской горы в Армении) и — во все времена (от царя Ирода до эры электричества и телеграфа). Его волновали разные, подчас полярно разные проблемы: свобода печати в провинции, терпимость к «неправославным» вероисповеданиям, привлечение народа к земскому самоуправлению, нужды крестьян-переселенцев... С гневом природного сына Украины и духовным благородством русского интеллигента-демократа обличает он противников самостоятельного развития украинской культуры, борется за преподавание в местных школах родного языка. В то же время «прекрасным» назвал Иван Франко его написанное и напечатанное на украинском языке выступление против попытки колонизации самой истории Украины, раскрашивания ее «польского периода» радужными красками, а также, в этой связи, против унижения именно исторических произведений Т. Г. Шевченко. Мордовцев — пожизненный и бесспорно крупнейший в России защитник поэзии великого сына Украины как от попыток свести ее значение к «чистой лирике», так и против стремления царских властей видеть эту поэзию в русле «единого державного языка». В семье Мордовцевых оказалось наибольшее собрание записей поэм и стихотворений Шевченко, что затем помогло в издании более полных сборников его сочинений³.

В Саратов после окончания университета вернулся человек, просвещенный не только знаниями, но также идеями и надеждами нового времени.

«Я собрал богатейшие материалы, особенно по злоупотреблениям помещичьей властью», — сообщает он редактору одного из столичных журналов.

Это исследование, «все построенное на подлинных бумагах», мог написать не просто человек передовых взглядов, но — чиновник ведомства внутренних дел, который «черпал из архивов, не доступных частному человеку». И который конечно же понимал, какую «корысть извлекает он из этого труда» о российском рабстве, о том, «сколько погибло русского народа, оттого что отношения раба и господина не имели разграничивающей черты». И правда: стоило начать печатание этого труда в журнале (Дело, 1872 г.), как тотчас его автор был «отставлен от должности». Публикация в журнале была приостановлена, а когда впоследствии, «доработанное и дополненное», это исследование вышло отдельным изданием («Накануне воли. Архивные силуэты», 1889 г.), от уничтожения его тиража удалось сохранить лишь несколько экземпляров. В том числе и усилиями самих цензоров: «сожженные» книги Д. Мордовцева хранились потом не только в их архивах, но и в библиотеках «высокопоставленных лиц». Когда после рево-

люции разбирали личную библиотеку российских императоров, нашли в ней и этот сборник.

В Европе сведения об исторических исследованиях Мордовцева можно было тогда узнать из газеты А. И. Герцена и Н. П. Огарева «Колокол». Например, в 1868 году, когда газета издавалась в Женеве также и на французском языке, среди «авторов замечательных монографий, касающихся наиболее интересных сторон и моментов нашей национальной жизни», назван здесь, рядом с выдающимся историком Н. И. Костомаровым, Д. Л. Мордовцев...

Одной из характерных особенностей, определивших невиданный после «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина успех сугубо исторических исследований Мордовцева, был уже сам стиль их повествования, далекий от академического, живой и образный. Вот, например, как Мордовцев в своей монографии «Гайдамачина» (1870 г.) рассказывает о той части крестьян, которая противилась путам оседлого крепостнического состояния в «польской период» истории Украины: «...на землях помещиков, которые желали привлечь к себе чужих крестьян, выставлялись большие деревянные кресты, а на этих крестах обозначалось „скважинами проверченными“, на сколько лет новопоселившимся обещается льгота от всех „чиншов“, т. е. от оброка и барщины. Крестьяне, со своей стороны, бродили от одного места к другому, выискивая, нет ли где креста и сколько на нем просверлено скважин. И вот мужик проведает о новой кличке на слободку и нового креста ищет и таким образом весь свой век не заводит никакого хозяйства, а таскается от одного креста к другому, перевоза свою семью и переменяя свое селение... Пока окончательно не успокаивается под могильным крестом».

Из таких вот кочующих по Украине крестьянских масс и вырывались «самые страстные натуры», отвергающие этот социальный крест на своей судьбе, — гайдамаки.

«...Внутренний хаос, в котором зарождалась гайдамачина, — пишет Мордовцев, — подобно тому, как среди внутренней неурядицы России зарождалась и созревала около того же времени пугачевщина — два родных детища деспотизма».

Уже из этих слов писателя понятно его «общественное настроение» — демократическое по своей сути, неизменно сочувственное «к гольцбге, забытой историей». Но... не забытой самим народом, память которого «освещает известные исторические события и лица вернее, ближе к истине, чем официальные документы, не всегда искренние, а часто — с умыслом лживые»⁴.

С явным сарказмом передает Мордовцев желание «власть имущих» иметь такую историю, в которой народ безмолвствует только потому, что — одобряет... Из которой бы явствовало, как он, народ, «вносил подать, отбывал рекрутчину, благоденствовал (вспомним здесь непередаваемый на русском языке „юмор“ шевченковских строк: „на всіх языках все мовчить, бо благоденствує!“ — Ю. С.), как он коснел или развивался, как подчас бунтовал и разбойничал целыми массами, „воровал“ и „бегал“ — тоже массами в то время, когда для счастья его ротали генералы, полководцы и законодатели».

В таком повествовании весь Мордовцев: что это у него, как не усмешка самого народа над истинно «барской» историей!

Истина не конечна: павшим за нее воздвигаются монументы, но для живых

это уже скорее символы неподвижности завоеванных привилегий. Дворянство, родившееся при Иване Грозном, было благодарно Петру I прежде всего за то государственное значение, до которого он его поднял, разрушив старую боярскую Русь. Прославляемые с петровских времен «долг и честь российского дворянина» — это его долг перед своим дворянским государством, его честь — во взаимоотношениях с себе подобными.

Петр I в романах Мордовцева «Царь и гетман» (1880 г.), «Царь Петр и правительница Софья» (1885 г.), «Державный плотник» (1895 г.) — «гений, „титан“, „исполин“, „вождь“. Но... И опять он, автор романов о Петре Великом, здесь с нами: в силах ли была она, эта идея, утешить целые поколения русских крестьян, которые приходили в этот мир однажды и, оказывалось, совсем не для счастья? Разве наша благодарность Петру Великому означает забвение пращуров наших, „потом трудов своих“ (а не только его, царских), создавших новую Россию?

И как раз именно эти, на весах истории, неотвратимые «да», иногда восторженные до расклопачения, и сострадательные «но», впрочем, еще чаще исполненные восхищения перед мученическим концом героев-идеалистов, — суть творчества Мордовцева.

Но если Петр I в произведениях Мордовцева — это все-таки приоритет идеи над образом (царь-реформатор, выразитель «государственной идеи народа» — единства в одном государстве), то повествования о том, в каких муках рождалась и как поначалу претворялась эта идея (позднее — и в борьбе с религиозными чувствами раскольников), явили того писателя, особенности творчества которого делали его «рогатым» в литературных группах, даже и противоположных друг другу по своим общественным взглядам.

В самом деле. Глубокое знание отечественной истории, традиционного, из поколения в поколение, бытия народа, его фольклора и религии, находило в творчестве Мордовцева такое выражение, которое подчас не устраивало ни «западников» (сторонников развития России по западноевропейскому образцу... Они приветствовали реформы Петра Великого безоговорочно), ни так называемых «славянофилов» (последние, в согласии с раскольниками, считали этого царя едва ли не антихристом, свернувшим Россию со своего «подлинно национального пути»).

Наконец, те и другие вместе обвиняли Мордовцева в так называемом «укаинофильстве», в преувеличении влияния украинского народа на историю и культуру своего, как писали уже в советское время, «старшего брата». К стати, весьма любопытного свойства была новая, уже советских «русофилов», забота об «историческом старшинстве» русских... И это при том, что ни одна из наций Союза не была так унифицирована с понятием о «новой исторической общности», как именно русская нация. При том, что уже само упоминание о ней стало возможным лишь в разговоре о прошлом, которое в «Истории СССР» рассматривалось сквозь призму современной, особенной идентичности русского — советскому народу. Хотя официальные историки и продолжали маяться между «Россией — тюрьмой народов» и «сплотившей» их «великой Русью». Но клеймо «укаинофильства», поставленное вначале русским великодержавием, после Октябрьской революции поддерживалось из великой тревоги, что естественное на нас, русских, влияние большого родственного народа, возвращая нас к славянству, будет мешать созданию в лице «старшего брата» нового и уже

скорее политического народа с лицом, скорее, «партийным», чем национальным.

Известно то уважение, с которым Даниил Мордовцев относился к своему современнику, замечательному историку Н. И. Костомарову. Однако и с этим ученым писатель соглашался далеко не во всем, возражал против его оценок роли личности в истории, против умаления им заслуг некоторых исторических деятелей. Так, например, было после утверждения Костомарова, будто московский князь Дмитрий, названный после Куликовской битвы Донским, пролежал почти все время этой битвы, оглушенный в самом ее начале, под каким-то деревом, достаточно удаленным от поля сражения...

«Конечно, — писал Мордовцев в повести „Мамаево побоище“, — это дерево, упомянутое в одном из сказаний, „приметно“ на фоне отсутствия деревьев во всех других... Но, единственное во всех сказаниях, оно еще не документ».

Сам Мордовцев изображает в этой повести князя Дмитрия не только организатором, но и деятельным участником величайшего в истории русских сражения.

Но какими, уже «другими» глазами должны были русские посмотреть на себя и — вокруг себя... ко времени этой битвы. Ибо мы признаем о себе сами: пока гром не ударит... Вот и тогда: перекрестились — уже после того, как ударил ордынский гром. Конечно — те, кто уцелел! Пожалуй, что ни один из народов не был наказан так за свою беспечность. Л потом — долго удивляли мир «рабской» сплоченностью своей вокруг государя: едва выживая в массовых истреблениях и полонях, одно поколение за другим, вносили в свою психологию инстинкт спасения «всем миром». Средством для этого могло быть только национальное единение, спасителем — государь... Быть «за государем» — было уже «в крови»...

Появление на литовских, чешских и венгерских землях отдельных татаро-монгольских отрядов оказалось лишь слабым плеском волны — от того, поистине океанского «вала народов», какой обрушился из Азии на десятки русских княжеств. На Западе с его рыцарскими, скорее политическими, войнами о такой всеистребляющей, тотальной бойне не знали, пожалуй, со времен великого передвижения народов. «Права и вольности городов», «народоправство», «права личности»... С каким презрением обладатели всех этих прав и свобод в «Новгороде» — персонажи романа Мордовцева «Господин Великий Новгород» смотрят на «московских улусников»... Да, бывших тогда, в XV веке, еще данниками Золотой Орды. Между тем как именно эта «улусная Русь» приходила на помощь и Новгороду и Пскову, когда грозила им опасность со стороны шведов и немецких «рыцарей-крестоносцев».

Пока еще не написано такой, если не мировой, то хотя бы общеевропейской истории, с которой согласились бы все народы. У каждого из них своя правда в истории, и подчас тот, кого он почитает национальным героем, для другого народа — захватчик.

«Правда» нашего народа заключалась прежде всего в том, что пока он в течение нескольких веков служил для Европы тем самым «русским щитом», который заслонял ее от нашествий с Востока, пока русские изнемогали в этом кровавом противостоянии, «благодарная Европа» часть за частью захватывала ее западные земли — от Ужгорода на Червонной Руси до Киева и от Берестье (Бреста) до Полоцка.

Современный читатель Мордовцева, который в отличие от дореволюционно-

го читателя изучал историю общества в отрыве от истории его религии (поэтому и приходится здесь, в разговоре о творчестве автора настоящего сборника, остановиться на этом подробнее), должен понять, почему наши предки придавали такое значение сохранению ими своей «веры-религии», изменение которой после захвата той или иной части русской земли приводило подчас к изменению национального лица жителей этого края. Да, страшен был очередной татарский набег, лилась кровь, захватывалось добро и много родных людей уводилось в полон... Но вот Орда откатывалась в степь, к своей, привычной ей жизни, а земля русских, а вера их оставались с ними. Не совсем так было в наших западных областях... Где нашитые на одежду кресты «рыцарей-латинян» виделись русским могильными крестами на своем будущем как народа.

Нет, политизация веры сегодня — явление безбожное, вне нравственное по своей сути. К чести той же римско-католической церкви, духовное начало ее христианского учения было всегда выше политического обмирщения. Однако слишком часто в ней истинных духовников отесняли «практики»-миссионеры. Вот почему Александр Невский, чей государственный гений был еще выше, чем его же военный, ответил отказом на предложение папы римского Иннокентия IV склонить русское духовенство к унии с Ватиканом и обещание в таком случае помощи против Орды: он уже знал о результатах бешеной, из одной европейской столицы в другую, скачки черниговской святой памяти князя Михаила в поисках этой помощи... Помнил он и о том, какую именно «помощь» в самые страшные для русских годы оказали им крестоносцы немецкого ордена... Кстати, читая в романе Мордовцева «Господин Великий Новгород» о жестокости первого русского государя Ивана III, проявленной им после того, как вече этого города решило «передаться» польскому королю, вспомним и о той, совсем не «христианской» жестокости великого князя Александра Ярославича (Невского), с какой он наказал тех же новгородцев, когда они восстали против дани Орде (легко же им было восставать за спиной всей Руси, едва-едва тогда встававшей после Батыева нашествия!). Между тем через несколько веков Российская православная церковь причла этого князя к лику святых именно «за христианские добродетели». Видимо, понимали и в церкви: любое время можно судить лишь по законам этого же времени.

Но при этом и великая произошла в истории нашей страны потеря... потеря возможностей! Например, богатейших, как в экономическом, так и в культурном отношении, возможностей местного самоуправления. Подобно тем, какие предоставила история, скажем, землям Германии — от всех этих княжеств, курфюрств, вольных городов — к традициям выборов собственных правительств (кстати, американцы прекрасно усвоили этот европейский опыт при создании своих Штатов)...

В самом деле. Когда мы говорим даже с попыткой «живинки», например, не «Курская область», а «Курщина», не «область Воронежская», а «Воронежская земля» — это всего лишь административные понятия, не более. Уезды, целые губернии, а потом области и районы переходили в состав других уездов, губерний и областей (в советское время даже Тула побывала в составе Московской области, а область Калужская — округом в Тульской...) — не все ли, мол, равно, когда все и везде одинаково. Когда управляли этими губерниями-областями люди, не избранные снизу, — не выдвинутые, интересами именно этого края, не хозяева